

УДК 398.32, 551.4

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-288-301

Сакрализация пространства: контекст и актуальность интердисциплинарных подходов (на примере культовых мест Бурятии и Монголии)

Баир Цыремпилович Гомбоев¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
(д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0003-3484-5311. E-mail: barguten@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Гомбоев Б. Ц., 2020

Аннотация. *Введение.* Ретроспективное исследование системы «человек — общество — окружающая среда» занимает все больше места в ряду интердисциплинарных научных проблем. Современное состояние экологии требует повышенного интереса не только к состоянию окружающей среды, но и к углубленному исследованию истории взаимоотношений человека и природы, изучению и сохранению природного и историко-культурного наследия. *Цель* статьи — постановка вопроса и предварительное изучение происхождения культовых мест и влияния природных факторов на их существование на примере Баргузинской котловины и других отдельных сакральных объектов Монголии. *Результаты.* Применение интердисциплинарного подхода позволило шире осветить проблемы исследования культовых мест и привлечь материалы, которые прежде не рассматривались в данном ракурсе.

Ключевые слова: Баргузинская долина, Саянское нагорье, Восточная Монголия, сакрализация пространства, культовые места, интердисциплинарный подход

Благодарность: Статья подготовлена в рамках государственного задания — проект XII.192.1.4. «Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика» (номер госрегистрации: АААА-А17-117021310268-2).

Для цитирования: Гомбоев Б. Ц. Сакрализация пространства: контекст и актуальность интердисциплинарных подходов // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 2. С. 288–301. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-288-301

UDC 398.32, 551.4

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-288-301

Sacralizing Environments: Context and Relevance of Interdisciplinary Approaches (a Case Study of Buryatia and Mongolia's Sites of Worship)

*Bair Ts. Gomboev*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0003-3484-5311. E-mail: barguten@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Gomboev B. Ts., 2020

Abstract. *Introduction.* Retrospective studies of the *human-society-environment* system are increasingly ranked among the interdisciplinary problems of philosophy, ecology, paleogeography, history, ethnology and other scientific disciplines. Scientists are beginning to understand that the current ecological conditions require increased interest not only towards the environment as such but also towards deep historical research of the relationship between man and nature, require further studies and preservation efforts for natural, historical, and cultural heritage. *Goals.* The paper analyzes archaeological sites and places of worship for the possibility of correlating their locations with real geoactive zones through the example of the Barguzin Valley, and seeks to identify features of the territory, comparing it to separate Mongolia-based places of worship. *Materials and Methods.* The work attempts to apply an interdisciplinary approach in characterizing the origin of sites of worship from the standpoint of different disciplines, such as geology, geography, history, archeology, ethnology, and folkloristics. *Results.* The interdisciplinary approach to the research of places of worship makes it possible to once again highlight challenges faced by scholars engaged therein more broadly, and involve materials that have not been previously examined in this perspective. Nowadays, this constitutes a most urgent problem in contexts of aggravated man-nature relations, violations of harmonious ties, and increased anthropogenic impacts in certain areas for extensive use of natural resources contrary to opinions of the local population.

Keywords: Barguzin Valley, Sayan highlands, Eastern Mongolia, sacralization of environment, places of worship, interdisciplinary approach

Acknowledgements: The reported study was funded by state assignment – project no. XII.192.1.4. ‘Myth and History in Folklore and Literature of Buryats and Siberian Russians: Universal and Specific Features’ (state reg. no. AAAA-A17-117021310268-2).

For citation: Gomboev B. Ts. Sacralizing Environments: Context and Relevance of Interdisciplinary Approaches (a Case Study of Buryatia and Mongolia’s Sites of Worship). *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 2. Pp. 288–301. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-288-301

Введение

В начале 2000-х гг. известный специалист по космическим исследованиям О. С. Ткаченко предложила автору рассмотреть культовые места и геопатогенные зоны в контексте внутриконтинентальных разломов и рифтовых систем в Байкальском регионе. Статья, написанная в соавторстве, стала одной из первых попыток изучения вопроса о применении интердисциплинарных подходов к исследованию сакральных мест на примере Баргузинской долины [Ткаченко, Гомбоев 2004: 93–103]. Основные положения и идеи, предложенные О. С. Ткаченко, приводятся и в данной статье.

Одной из актуальных проблем, порожденной современными технологиями, является возрастание риска для жизни. По словам Ч. О. Адыгбай, общество

риска есть оборотная сторона той самой медали, на лицевой стороне которой помещены слова об обществе знания. На основе современного научного знания вырабатываются технологии, трансформирующие сложившийся социальный и природный порядок [Адыгбай 2015: 8–9]. Вместе с тем ретроспективное исследование системы «человек – общество – окружающая среда» занимает все больше места в ряду междисциплинарных проблем таких научных дисциплин, как философия, экология, палеогеография, история, этнология и другие. Ученые начинают понимать, что современное состояние экологии требует повышенного интереса не только к состоянию окружающей среды, но и к углубленному исследованию истории взаимоотношений человека и природы, требует изучения и сохранения природного и историко-культурного наследия.

Отметим наиболее характерные работы различных специалистов в области междисциплинарных и интердисциплинарных исследований. В 2016 г. вышла в свет коллективная работа, посвященная феномену междисциплинарности в отечественной этнологии, в которой рассматривается опыт интерграции наук [Феномен 2016]. Особую роль в системе «человек — природа» играет такое сформировавшееся явление, как историко-культурный ландшафт, который служит объектом антропологии. Основные подходы к пониманию историко-культурного ландшафта сформулированы в работах ученых РосНИИ им. Д. С. Лихачева [Культурный ландшафт 2004; Кулешова 2008; Кулешова 2018]. Интересные результаты получены в результате совместных исследований в Байкальском регионе археологов Л. В. Лбовой, Е. А. Хамзиной о древностях Бурятии, которые отражены в каталоге и карте основных археологических памятников [Лбова, Хамзина 1999]. Авторами определены перспективы исследования: «...создание единой системы сохранения и использования культурно-исторических объектов в региональном масштабе позволит проанализировать и разработать регламентации рационального использования земель, с учетом развития сложившихся сфер хозяйственной деятельности. На основании результатов работ в перспективе могут быть выделены объекты палеоэкологической информативности (система Человек – Природа в древности и в историческое время), намечены объекты эффективных научных исследований в зонах естественного и антропогенного риска» [Лбова, Хамзина 1999: 200–201]. Вслед за П. Б. Коноваловым исследователи отмечают, что «при ином развитии экономики — скотоводстве — семейно-родовые территории скотоводов, священные культовые места, родовые пастбища накладывают свой отпечаток на формирование ландшафта» [Лбова, Хамзина 1999: 197].

Актуальными остаются некоторые работы религиозного характера по сакральным и священным местам, относящимся к Байкальскому региону [Михайлов 1980; Герасимова 1969; Абаева 1992; и др.]. В начале 2000-х гг. группой бурятских ученых были исследованы и картографированы культовые места, подлежащие государственной охране как историко-культурный ландшафт [Сыртыпова, Данилов и др. 2001]. В 2004 г. в обобщающем труде, посвященном этнографии бурят, Л. Л. Абаевой была дана характеристика основных культовых мест Бурятии с подробной картой [Буряты 2004: 398–399]. В 2009 г. была предпринята попытка картографирования культовых мест Кижингинской долины в Бурятии авторским коллективом в составе эколога и историка, в том

же году издана карта на основе полевых материалов [Шапхаев, Шапхаев 2009]. В 2010 г., согласно тенденции последних лет — публикации книг известными шаманами, была издана книга с указанием всех культовых мест не только Бурятии, но и всего Байкальского региона [Гомбоев 2010]. Однако следует заметить, что до полной паспортизации культовых мест, более широко — сакральных зон и пространств, еще далеко.

В работе предпринимается попытка применения интердисциплинарного подхода к характеристике происхождения сакральных территорий с целью анализа археологических памятников и культовых мест на предмет возможной корреляции их местоположения с реальными геоактивными зонами. Данный подход применяется к рассмотрению Баргузинской долины как сакрального пространства в целом и отдельных культовых объектов, расположенных на ее территории, в частности. В исследовании использованы: археологический каталог памятников древности [Лбова, Хамзина 1999]; сведения о культовых местах Баргузинской долины [Гомбоев 2006], для сравнительной части — об отдельных сакральных объектах Монголии [ПИМА, инф. №1; ПИМА инф. № 2].

Особенности геологического строения Байкальского региона и обусловленность возникновения культовых мест в культуре разных народов

Известно, что ландшафт в первую очередь зависит от геологического строения территории региона. Поэтому рассмотрим тектоническую ситуацию. Земли Бурятии лежат в узле пересечения трех разнонаправленных систем разломов: наиболее мощной трансконтинентальной Афро-Азиатской системы разломов северо-восточного направления, включающей в себя горные образования Памира, Тянь-Шаня, Алтая, Станового хребта, Алдана и т. д.; системы разломов меридиональной направленности 102, 108 градусов восточной долготы; широтной зоны разломов 50–52 градуса северной широты, пересекающей территорию Забайкалья с запада на восток. Тектоническая обстановка усугубляется наличием внутриконтинентального рифта (линейно-вытянутого на несколько тысяч километров щелевидного растяжения земной коры шириной в несколько сотен километров, ограниченной разломами), находящегося в структуре Афро-Азиатской линеаментной зоны. Считают, что этот рифт на стыке двух геологических структур впервые проявил себя десятки миллионов лет назад и частично представлен в виде котловины озера Байкал, лежащего на высоте 456 метров над уровнем моря [Лунина 2006: 226–227]. Существуют также аналогии с Алтайским регионом [Ткаченко 2004: 163]. Итак, территория Республики Бурятия располагается в пределах Монголо-Сибирского сейсмически активного складчатого горного пояса, природные условия которого (геологическое строение, рельеф, климат, воды, биота и ландшафты) отличаются большим разнообразием. Регион расположен в зоне контакта крупных природно-ландшафтных областей субконтинентов Северной и Центральной внетропической Азии, поэтому Бурятия является своеобразной и сложной географической системой. Она занимает полностью Западное Забайкалье, отделенное Яблоновым хребтом от Восточного Забайкалья. С юга Бурятия граничит со степными просторами Монголии, с севера — с таежными массивами Якутии. Кроме того, территория современной Бурятии характеризуется постоянным слабым отрицательным природным магнитным полем, что благопри-

ятно для длительного проживания человеческих сообществ. Контактная зона различных физико-географических областей (Южно-Сибирской, Байкальской, Центрально-Азиатской), которую занимает Бурятия, определила историко-культурное своеобразие Забайкалья. Свообразие положения определили и крайне различные природно-климатические условия в разных районах республики. Большая часть территории Бурятии мало пригодна для хозяйственного использования, в основном во все времена осваивались долины рек, межгорные понижения и предгорья. И в этой мозаике прибайкальских ландшафтов с нижнего палеолита (300–200 тысяч лет назад) развивались яркие археологические культуры, носители которых составили основу генофонда автохтонных этносов, населявших Северную Азию. В свое время Л. Н. Гумилев отметил повышенную сейсмическую активность этого региона; наличие разных природных зон и географических характеристик, ведущих к энергетической активности населения и его участию в явлении, названном им «пассионарностью» [Гумилев 1990]. Древние культуры региона в виде археологических памятников типологически разделяются на поселенческие комплексы (кратковременные стоянки, поселения, укрепленные городища), памятники производственной деятельности древнего населения (рудники, оросительные системы, производственные мастерские), петроглифы (наскальные рисунки и надписи) и святилища, ритуально-погребальные комплексы (могильники и связанные с ними жертвенники, стелы). В настоящее время по совокупности природных и экономических факторов на территории Республики Бурятия археологи выделяют четыре основные природно-хозяйственные зоны, и Баргузинская котловина является одной из них [Лбова, Хамзина, 1999: 193–196]. Баргузинская котловина, как и весь Байкал, полностью лежит в зоне вышеупомянутого внутриконтинентального молодого рифта, реальной демонстрацией жизни которого является история озера Байкал. Геологически юго-восточное побережье Байкала образовала зона вертикального сброса в этом рифте. Часть его в виде Баргузинского хребта представляет собой мощный надвиг земной коры, при котором произошел ее разрыв и возникло северное скалистое ограничение Баргузинской котловины, заполненной «не нарушенными первичными залегами» рыхлых образований [Буянтуев 1993: 4–16]. Считается, что в двух концах скалистого ограничения находятся одни из самых влиятельных «духов-хозяев» Баргузинской долины («дух-хозяин» полуострова Святой Нос – бур. *Хилман-хушуун*; «дух-хозяин» истока реки Баргузин – бур. *Бөөлэн-түмэр*) [Гомбоев 2006: 99, 101]. Принято считать, что природные памятники Баргузинской долины, скорее всего, образовались в пору тектонического разлома земной коры, приведшего к возникновению Байкальской впадины. Местные легенды гласят, что задолго до Байкал-моря на его территории была земля. Там, где стояла огнедышащая гора (очевидно, вулкан), произошел провал земли, и образовалось большое море Байкал, воды которого хлынули в Баргузинскую котловину. Об этом писали в своих работах исследователи [Румянцев 1956: 56; Гурулев 1991: 29], бурятские шаманы [Базаров 2000: 77].

Баргузинская котловина является типичным представителем впадин Байкальской системы. Вслед за Е. В. Павловым (1937 г.) известный геолог А. Б. Буянтуев предлагает понимать всю совокупность крупных, морфоло-

гически резко очерченных опусканий земной поверхности внутри Саяно-Байкальского станового нагорья, протянувшихся в виде четкообразной системы от Северной Монголии (на юго-западе) до среднего течения р. Олеймы (на северо-востоке) [Буянтуев 1993: 4]. По современному расположению озер и сопок можно представить, что какое-то время назад котловина представляла собой несколько соединенных между собой огромных водоемов. Возможно, с этим связано происхождение легенды о том, что когда-то вода текла со стороны Байкала, затем повернула в обратную сторону [Элиасов 1960: 267].

Почитание самой территории связано с культом почитания «хозяина» Байкала [Базаров 2000]. По мере освоения Байкальского пространства древние жители постепенно распространили поклонение горным массивам и вершинам, являющимся результатом вулканической деятельности, на остальные ландшафты окружающей среды. В те времена, когда долина могла быть заполнена водой и сюда пришли первые поселенцы, сочетание высоких, будто достигавших неба, обрывистых гор и огромного водного пространства между ними, уходящего на несколько сотен километров вглубь, — осмыслявшееся в мифологическом сознании как соединение двух стихий, делало Баргузинскую долину особо сакральным местом. С древности знаками, говорящими об особенностях Баргузинской долины, были писаницы. Вот как можно представить посещение ее территории по современной космогеологической карте. За одиноко возвышавшимися скалами Святого Носа начиналось мелководье с возвышающимися над ним островами, которое через много километров вводило нас в районе современного селения Гусиха в сужающееся пространство между останцами. Особенность этого места заключается в том, что со времен бронзового века на нынешнем правом берегу долины реки Баргузин, в 200 м от дороги, в нише, виднеются рисунки зооморфных и антропоморфных фигурок, выполненные охрой. В недавнем прошлом эта гора названа Шаманкой в честь тунгусского шамана Малха из Биданкийского рода, который здесь жил до глубокой старости и был похоронен. В этом можно видеть преемственность в актуализации культовых мест — с древности до сегодняшнего дня. До сих пор мы можем обнаружить на скальных рисунки — петроглифы, свидетельствующие о значимости этих мест. Например, около местности Гульмакта, где обнаружены два местоположения петроглифов; близ деревни Алги — рисунки, отражающие охоту; у современного поселка Кладово — рисунки, выполненные красной охрой. В петроглифах зафиксированы фигуры человека, козла, оленя и др. неопределенные пятна, в некоторых рисунках видны крестики, две фигурки шаманов в рогатых шапках. Можно предположить, что в этом районе, плотно заселенном со времен неолита, писаницы издревле служили местом для отправления культовых обрядов. Все водное пространство котловины в те далекие времена перебивалось большими всхолмлениями, прижимающими водные потоки к Баргузинскому хребту. Первое сужение происходило в районе Старого Баргузина за счет водораздела между реками Улан-Бурга и Аргада, а затем опять широко растекались воды далеко вправо к Куйтунским степям. Здесь, на левом берегу реки Аргады, 10,2 километра от местности Шинагальжин, рядом с могильником сохранились изображения, аналогичные «селенгинскому» стилю, что говорит о связях в бронзовом веке далеко расположенных друг от дру-

га племен. Следует отметить, что среди всех наскальных рисунков проявляются зачатки древнейшего пиктографического письма, а скалы с писаницами постепенно переходили в разряд родоплеменных святынь. Например, наиболее древние поселенцы этих мест — эвенки, проходящие мимо останцев с петроглифами, всегда возле них проводили обряд для обеспечения удачной охоты. При этом у подножия скалы разводили костер и специально варили чай, остатки которого брызгали в сторону петроглифов. После жертвоприношения чаем подходили к подножию скалы и смотрели, «что она им укажет» [Тиваненко 1989: 94]. В Баргузинской котловине также много стоянок бронзового века, и во все времена наблюдается преемственность в местоположении поселений по краям долины. Это может свидетельствовать о существовании по-прежнему достаточно больших водных пространств. Геологическая история района говорит о том, что в реальности происходило изменение соотношения высот положения Байкала и долины за счет тектонической активности региона. При подъеме северо-восточной части Баргузинской котловины прекратился доступ байкальской воды. Климат стал более сухим. Водные просторы значительно уменьшились. Баргузинская котловина превратилась в зону, где возник недостаток воды. В результате по дну широкой долины, расположенной над уровнем моря на высоте 470–600 метров, прижимаясь к Баргузинскому хребту, направила свои воды судоходная на расстоянии 249 километров река Баргузин с основными левыми притоками — реками Аргада, Гарга и др., образовав множество рукавов и озер, два десятка целебных источников между практически линейным Баргузинским и более раскидистым и низким Икатским хребтами. Результатом стали более скудная растительность, преобладание степных ландшафтов в долине. На степных участках возник новый уклад хозяйственной деятельности — кочевое скотоводство, в котором доминирует овцеводство. Свидетельства исторической давности говорят о том, что в начале I тыс. н. э. баргузинскую землю после пребывания на ней монголоязычных племен, стали осваивать эвенки, а затем буряты, выходцы с западного побережья озера Байкал (верхоленские буряты). Разница в заселении между этническими группами составляет несколько столетий. Переселение бурят продолжалось до XX в., оно шло в три этапа: сначала был освоен правый берег Баргузина; затем пришли бурятские роды с Верхней Лены, которые перебрались на левый берег Баргузина на земли эвенков-охотников в пойме реки Гарга и расселились у Икатского хребта от Сувинских скал до местности Шинагальжин на востоке; третьей зоной заселения бурятами были верховья реки Баргузин, которые изначально были и являются сегодня эвенкийскими родовыми территориями, включающими их священные места. Эвенки-аборигены и буряты-переселенцы этих мест проживают на протяжении многих лет по соседству, буряты — почитая эвенкийские священные места и создавая свои.

Повышенная сейсмичность и тектоническая активность территории влияет на выбор священного места в виде заметного элемента ландшафта (горы, скалы, деревья, камни, рощи, источники и т. д.). По местным поверьям, «духи-хозяева» этих священных мест, наделенные особыми силами и возможностями, имеют «небесное» происхождение и управляют всем происходящим в долине, что говорит о сохранившейся здесь глубинной языческой связи человека и природы. Надо отметить, что дошедшие до нас формы культа складывались

постепенно. По мере освоения людьми долины реки Баргузин культовые места обрастали всевозможными мифами и легендами, содержание которых позволяет выяснить их этническую принадлежность. Район Баргузинской долины во все времена был населен различными этносами, в ходе этнических перемещений и формировались основные элементы местного культа: почитание гор, священных камней, и, конечно, самой реки Баргузин. Основное местоположение сакральных территорий распределяется так: на вершинах и у подножий гор; на открытых пространствах — на опушке леса и в степи; возле водных источников — у реки Баргузин, у целебных источников, в речных долинах и вблизи озер.

Сейсмическая активность Баргузинской долины приводила к подвижкам отдельных участков и, как следствие, к различным влияниям тектонических и геофизических процессов на физическое и психическое состояние живущих здесь людей. Поэтому возникала необходимость не только обозначить эту особую зону, но и определить священные места, почитание которых с помощью обрядов, по мнению местного населения, смягчало мощное воздействие природы на человека: в Баргузинской долине, как и в ряде других исследованных сакральных точках, независимо от культовой принадлежности древние святые места расположены на зонах разломов, где происходит наиболее активный обмен реальных космоземных энергий.

Сакрализация пространства Байкальского региона

Если рассматривать культовые места Баргузинской долины, которые совпадают с прохождением тектонических разломов, можно обозначить три наиболее характерные зоны соприкосновения геофизических и антропогенных зон. Согласно характеристике морфологии Баргузинской котловины и прохождения разломов, к данным зонам мы относим следующие:

- 1) культовые места по северному тракту от поселка Усть-Баргузин до села Улюнхан, которые располагаются у подножия Баргузинского хребта, почти на всем протяжении горной гряды;
- 2) культовые места у истоков реки Баргузин, где проходит пересечение двух горизонтальных и вертикальных разломов;
- 3) культовые места в районе Сувинских скал, где сосредоточена зона магматического выброса.

В этих местах (например, в районе села Суво) местные жители замечают несколько повышенный фон природной радиации. Пример тому — обильные дикорастущие плоды, продолжительные туманы. Один из интересных, на наш взгляд, случаев в полевой работе был зафиксирован нами в селе Шаманка Курумканского района Бурятии. Один из местных стариков, проводящий обряды жертвоприношения, рассказал, что предвестником обряда является сон: на горе бушует лавообразный поток. Насколько в этот момент природа возбуждена и сон является предвестником обострения тектонической ситуации, сложно сказать. Но, действительно, место расположения горы Шаманки (культовое место *Дээдэ баабай*) отличается наличием большого числа радиальных разломов, пересекающихся в районе ее вершины. На геологической карте здесь отмечен древний выброс магматических пород, а весь горный массив хребта вокруг Шаманки имеет кольцевую структуру. Сакральность окрестно-

стей горы подтверждается наличием большого количества культовых мест. Возле речки Шаманки когда-то жила известная своей силой бурятская шаманка, и здесь действуют особые запреты. Недалеко расположено священное место, почитаемое только шаманами и шаманками, — сосна с тремя сросшимися стволами, в некотором отдалении еще одно культовое место — целебный источник. На наш взгляд, наличие множества культовых мест говорит о реальности природных, геологических особенностей этого района. Привлекает внимание Ининский «сад камней». Он расположен в юго-западной части долины на участке выхода реки Ина из Икатского хребта и протягивается более чем на 5 километров. Здесь на ровной поверхности, словно вырастая из земли, возвышаются крупные глыбы гранита размером до 4–5 метров [Гомбоев 2006: 78–79]. Это напоминает северные гранитные глыбы на Кольском полуострове, возле которых саамы проводят обряды.

Расположение Баргузинской котловины в рифтовой зоне, поддерживающей тектоническую активность разломов на ее территории, вызвало к жизни множество лечебных, минеральных горячих и холодных источников *аршаанов*, помогающих восстанавливать во все времена здоровье живущих здесь людей. Посещение источников и лечение строго регламентировано местными обычаями и традициями [Гомбоев 2002: 108–112].

Сакрализация пространства Баргузинской долины происходит прежде всего через функционирование культовых мест. Это больше чем обозначение границ родового и этнического пространства. Наличие культовых мест отражает стремление живущих здесь людей заручиться поддержкой всех духов, которым якобы подвластна данная территория. Священные территории, будучи местами поклонения древнего населения, при появлении новых переселенцев становились объектами почитания и для них, но при этом привносились свои обрядовые особенности, которые накладывались на уже существующие культы. Представители каждого этноса в долине поклоняются духам родовых территорий, духам местности. Священнослужители помогают совершать обряды, обусловленные календарем, промыслово-хозяйственной деятельностью, домашними потребностями и т. д. Исследователи считают, что ритуал сакрализации местности начинается с обращения — испрашивания разрешения на поселение — со стороны старейших представителей рода к духам-хозяевам местности, сопровождаемое жертвоприношением. Отрицательный или положительный ответ получали посредством гадания, способы которого были различны у разных этнических групп бурят [Пространство 2008].

Для сравнения мы можем привести примеры сакрализации пространства в Восточной Монголии, вблизи сельского поселения Гурбан Загал в Дорнодском аймаке. В границах данного поселения насчитывается три основных культовых объекта, внимание привлекает сакральный объект *Дэлгэр мунхэ обоо*. Согласно полевым данным, вокруг ядра культового места находятся или «разбросаны» большие валуны и камни, имеющие магматическое происхождение. Местные жители говорят, что подобных валунов в округе мало, но они встречаются. Наибольшее их количество располагается именно в границах указанного культового места. В 1970–80-х гг. археологические изыскания проводил монгольский археолог Д. Наваан [Наваан 1980]. Возможно, ввиду обилия указанных археологических объектов местное население, сезонно пребывающее

на животноводческих стоянках, ежегодно в начале и в конце сезона перекочевки проводит особые обряды поклонения «духу-хозяину» [ПМА: инф. 1].

Саянский регион, находящийся в другом конце Монголии на стыке с Бурятией, представляет собой обширную географическую территорию с разнообразными ландшафтными и климатическими условиями, дающими человеку возможность заниматься различными видами хозяйственной деятельности. Этот регион древнего горообразования издавна был населен человеком и давно является контактной зоной, где в течение длительного времени, начиная с каменного века, соприкасались различные этносы. Процесс этот сопровождался не только их культурным взаимодействием, но и взаимной ассимиляцией, заимствованием форм хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры. На протяжении многих столетий наблюдается устойчивое обитание в данном регионе тюркских, монгольских, самодийских и кетских племен. В Саянском регионе в настоящее время проживают тувинцы (как степные, так и таежные), тофалары, уйгуры-цаатаны, уйгуры-урянхайцы, окинские сойоты. Из монгольских народов — монголы, дархаты, буряты. Самодийские племена, обитавшие на Саянах еще в XVIII в., были ассимилированы тюрками. Кетские племена растворились среди тюрков и прибайкальских бурят [Гомбоев 2008].

Среди монголов Прихубсугуля, проживающих по ту сторону российско-монгольской границы, известен сакральный объект Мунх Сарьдаг. С российской стороны священный объект Мунко-Сардык особо почитается жителями Тункинского и Окинского районов Бурятии и известен как *Мунхэ харьдаг* (*Бурин-хаан*). По материалам О. А. Шаглановой, местом обитания божества является самая высокая точка хребта Восточный Саян — Мунко-Сардык, хозяином которого и является Бурин-хан [Шагланова 2008: 97]. Недалеко от горного массива простирается одно из самых крупных озер Монголии — озеро Хубсугул (монг. *Ховсгол нуур*), которое, как считают местные жители, связано подземными водами с озером Байкал [ПМА: инф. 2]. Сакральный объект Мунко Сардык и его «дух-хозяин» занимают особое место в иерархии мифологических и религиозных традиционных воззрений автохтонных народов (сойотов в Окинском районе Бурятии, цаатанов в Хубсугульском аймаке Монголии, урянхайцев Монголии) [Ганболд 2001: 34–56].

Заключение

Применение интердисциплинарного подхода позволило шире осветить проблемы исследования культовых мест и привлечь материалы, прежде не рассматривавшиеся в данном ракурсе. На сегодня одной из актуальных проблем является нарушение гармоничных связей человека и природы, повышение антропогенной нагрузки на те или иные участки ландшафта с целью захвата и использования природных ресурсов, без учета интересов местного населения. Наша работа, имеющая характер предварительного изучения происхождения культовых мест и влияния природных факторов на их существование на примере Баргузинской котловины и отдельных сакральных объектов Монголии, нацелена на постановку вопроса о применении междисциплинарного подхода к изучению сакральных мест. В дальнейшем мы надеемся на расширение ареала исследования на все пространство этнической Бурятии и Центральной Азии в целом, что особенно важно для экологического равновесия в регионе в контексте изучения и сохранения природного и культурного наследия.

Полевые материалы автора

- ПМА: инф. 1 — Информант Дугарсүрэн Доржбаатар, 52 года, баргут, сомон Гурбан Загал, Дорнодский аймак, Восточная Монголия. Запись 2019 г.
- ПМА: инф. 2 — Информант Шаглахаев Владимир, 57 лет, бурят, село Аршан, Тункинский район, Республика Бурятия. Запись 2008 г.

Литература

- Абаева 1992 — *Абаева Л. Л.* Культ гор и буддизм в Бурятии (Эволюция верований и культов селенгинских бурят). М.: Наука, 1992. 139 с.
- Адыгбай 2015 — *Адыгбай Ч. О.* Университетский научно-образовательный центр в деле сохранения и изучения духовных традиций буддизма // Религии в изменяющемся мире. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2015. С. 7–14.
- Базаров 2000 — *Базаров Б. Д.* Таинства и практика шаманизма: в 2 кн. Кн. 2. Улан-Удэ: Буряад Үнэн, 2000. 202 с.
- Буряты 2004 — Буряты / Отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2004. 632 с.
- Буянтуев 1993 — *Буянтуев А. Б.* Общая характеристика рельефа // Баргузинская котловина. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 1993. С. 4–16.
- Ганболд 2001 — *Ганболд М.* Алтайн урианхай уламжлалт шүтлэг (=Древние верования алтайских урянхайцев). Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2001. 212 с.
- Герасимова 1969 — *Герасимова К. М.* Культ обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии // Этнографический сборник. Вып. 5. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1969. С. 105–144.
- Гомбоев 2002 — *Гомбоев Б. Ц.* Народные методы лечения болезней у бурят (на примере лечения болезней на святых источниках Баргузинской долины) // Мир Центральной Азии. Археология. Этнология. Т. 1. (Материалы международной научной конференции). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С. 108–112.
- Гомбоев 2006 — *Гомбоев Б. Ц.* Культовые места Баргузинской долины. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2006. 287 с.
- Гомбоев 2008 — *Гомбоев Б. Ц.* Этнокультурная характеристика и религиозные традиции народов Саянского нагорья в контексте бурят-монгольского суперстрата [электронный ресурс] // URL: <https://www.arcticcentre.org/loader.aspx?id=e4aee26b-be8d-49d2-adfb-6b0c46fc1adc> (дата обращения 08.07.2020).
- Гомбоев 2010 — *Гомбоев С. Ж.* Под вечным синим небом. Святая неугасимая вера. Шаманизм. Улан-Удэ: НовоПринт, 2010. 334 с.
- Гумилев 1990 — *Гумилев Л. Н.* География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. 253 с.
- Гурулев 1991 — *Гурулев С. А.* Что имени в твоём, Байкал? 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Наука, Сиб. отд. 1991. 168 с.
- Культурный ландшафт 2004 — Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
- Кулешова 2008 — *Кулешова М. Е.* Сакральные культурные ландшафты в контексте Севильской стратегии по биосферным резерватам: проблемы и перспективы [электронный ресурс] // URL: <https://www.arcticcentre.org/loader.aspx?id=2c56463b-88e9-4fcc-b5a3-6eaee4b04f92> (дата обращения 08.07.2020).
- Кулешова 2018 — *Кулешова М. Е.* Культурные ландшафты, их место в списке Всемирного наследия и перспективы российского представительства // Наследие и современность. 2018. Т. 1. № 4. С. 111–130 [электронный ресурс] // URL: <https://www.wildnet.ru/images/phocagallery/2019/27.08.2019/nis-4-2018.pdf> (дата обращения 09.07.2020).
- Лбова, Хамзина 1999 — *Лбова Л. В., Хамзина Е. А.* Древности Бурятии. Карта археологических памятников. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 220 с., 21 л. карт.

- Лунина 2006 – *Лунина О. В.* Комплексный подход к оценке активности разломов на примере Баргузинского рифта (применительно к проблеме сейсмической опасности) // Геодинамическая эволюция литосферы Центрально-Азиатского подвижного пояса (от океана к континенту): материалы совещания. Вып. 4. Т. 1. Иркутск: Институт земной коры СО РАН, 2006. С. 225–228.
- Михайлов 1980 — *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма (С древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 319 с.
- Наваан 1980 — *Наваан Д.* Эртний монголын туухийн дурсгалнууд (=Исторические заметки о древних монголах). Улаанбаатар хот: БНМАУ-ын Соёлын яамны хэвлэл. 1980 он. 204 х.
- Пространство 2008 — Пространство в традиционной культуре монгольских народов / Б. З. Нанзатов, Д. А. Николаева, М. М. Содномпилова, О. А. Шагланова. М.: Вост. лит., 2008. 341 с.: ил.
- Румянцев 1956 – *Румянцев Г. Н.* Баргузинские летописи. Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1956. 100 с.
- Сыртыпова, Данилов и др. 2001 — *Сыртыпова С. Д., Данилов С. В., Самаев Ф. С., Петунова Н. А.* Историко-культурные памятники Окинского района // Проблемы востоковедения: материалы науч.-практ. конф. «70 лет со дня рождения Б. Б. Бадарасева». Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 108–117.
- Тиваненко 1989 — *Тиваненко А. В.* Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1989. 202 с.
- Ткаченко, Гомбоев 2004 — *Ткаченко О. С., Гомбоев Б. Ц.* Интердисциплинарный подход в изучении сакральных мест (на примере Баргузинской долины Республики Бурятия) // Сакральное глазами «профанов» и «посвященных»: материалы международного интердисциплинарного научно-практического конгресса (Москва, 21–30 июня 2004 г.). М., 2004. С. 93–103.
- Ткаченко 2004 – *Ткаченко О. С.* Алтай как один из сакральных центров // Сакральное глазами «профанов» и «посвященных»: материалы международного интердисциплинарного научно-практического конгресса (Москва, 21–30 июня 2004 г.). М., 2004. С. 161–171.
- Феномен 2016 — Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016. 458 с.
- Шагланова 2008 – *Шагланова О. А.* Локальные особенности шаманизма у тункинских бурят // Религия в культуре монголоязычных народов России. М.: Вост. лит., 2008. 319 с.: ил.
- Шапхаев, Шапхаев 2009 — *Шапхаев С. Г., Шапхаев Б. С.* Карта мест поклонения Кижингинского района. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2009.
- Элиасов 1960 – *Элиасов Л. Е.* Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. II: Народные предания. Улан-Удэ: Респ. кн. изд-во, 1960. 480 с.

Author's Field Data

Informant: Dugarsuren Dorzhbaatar, aged 52, ethnic Barga Mongol (Gurvanzagal District, Dornod Province, Mongolia). Rec. in 2019. (In Mong.)

Informant: V. Shaglakhaev, aged 57, ethnic Buryat (Arshan village, Tunkinsky District, Republic of Buryatia, Russia). Rec. in 2008. (In Bur. and Russ.)

References

- Abaeva L. L., Zhukovskaya N. L. (eds.). The Buryats. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology. Moscow: Nauka, 2004. 632 p. (In Russ.)
- Abaeva L. L. Cult of Mountains and Buddhism in Buryatia: Evolution of Beliefs and Cults Practiced by Selenga Buryats. Moscow: Nauka, 1992. 139 p. (In Russ.)

- Adygbai Ch. O. Preserving and exploring spiritual traditions of Buddhism: impacts of university science and research centers. In: Religions in the Changing World. Ulan-Ude: Buryat State University, 2015. Pp. 7–14. (In Russ.)
- Bazarov B. D. Shamanism: Sacraments and Practices. In 2 vols. Ulan-Ude: Buryaad Ūnen, 2000. Vol. 2. 202 p. (In Russ.)
- Buyantuev A. B. Landscape: general description. In: Barguzin Basin. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 1993. Pp. 4–16. (In Russ.)
- Eliasov L. E. Eastern Siberian Russian Folklore. Vol. II: Folk Tales. Ulan-Ude: Republican Book Publ., 1960. 480 p. (In Russ.)
- Ganbold M. The Altai Uriankhai: Ancient Beliefs. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2001. 212 p. (In Mong.)
- Gerasimova K. M. Investigating ethnic processes in Buryatia: cult of *obo* as a supplementary research source. In: Ethnographic Collection. Vol. 5. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1969. Pp. 105–144. (In Russ.)
- Gomboev B. Ts. Buryat folk healing methods: a case study of spring water healing methods (Barguzin Valley). In: World of Central Asia: Archaeology, Ethnology. Conf. proc. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 2002. Pp. 108–112. (In Russ.)
- Gomboev B. Ts. Peoples of the Sayan highlands: ethnocultural characteristics and religious traditions in the context of the Buryat Mongolian superstratum. At: Arctic Centre, University of Lapland (website). Available at: <https://www.arcticcentre.org/loader.aspx?id=e4ace26b-6e8d-49d2-adfb-6b0c46fc1adc> (accessed: July 8, 2020). (In Russ.)
- Gomboev B. Ts. Places of worship in the Barguzin Valley. Ulan-Ude: East Siberian State Institute of Culture, 2006. 287 p.
- Gomboev S. Zh. Under the Eternal Blue Sky: the Living Holy Faith. Shamanism. Ulan-Ude: NovoPrint, 2010. 334 p. (In Russ.)
- Gumilev L. N. Geography of Ethnos in the Historical Period. Leningrad: Nauka, 1990. 253 p. (In Russ.)
- Gurulev S. A. What's in Your Name, Baikal?. 2nd ed., rev. and suppl. Novosibirsk: Nauka, 1991. 168 p. (In Russ.)
- Komarova G. A. (ed., comp.) Ethnology in Russia: Phenomenon of Interdisciplinary Research. Moscow: Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2016. 458 p. (In Russ.)
- Kuleshova M. E. Cultural landscapes, their place in the World Heritage List and prospects of Russian representation. *Heritage and Modern Times*. 2018. Vol. 1. No. 4. Pp. 111–130. Available at: <https://www.wildnet.ru/images/phocagallery/2019/27.08.2019/nis-4-2018.pdf> (accessed: July 9, 2020). (In Russ.)
- Kuleshova M. E. Sacred cultural landscapes in the context of the Seville Strategy for Biosphere Reserves. At: Arctic Centre, University of Lapland (website). Available at: <https://www.arcticcentre.org/loader.aspx?id=2c56463b-88e9-4fcc-b5a3-6eae4b04f92> (accessed: July 8, 2020). (In Russ.)
- Lbova L. V, Khamzina E. A. Antiquities of Buryatia: a Map of Archaeological Monuments. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 1999. 220 p., 21 sheets of maps. (In Russ.)
- Lunina O. V. Comprehensive approach to activity evaluation of faults: a case study of the Barguzin Rift (seismic hazard revisited). In: Central Asian Orogenic Belt and Geodynamic Evolution of Its Lithosphere: From Ocean to Mainland. Conf. proc. Vol. 4. Irkutsk: Institute of the Earth's Crust (Sib. Branch of RAS), 2006. Book 1. Pp. 225–228. (In Russ.)
- Mikhailov T. M. Buryat Shamanism: Glimpses of History. From the Earliest Times to the 18th Century. Novosibirsk: Nauka, 1980. 319 p. (In Russ.)

- Nanzatov B. Z. et al. Mongolic Peoples: Space (and Environment) in Traditional Culture. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008. 341 p. (In Russ.)
- Navaan D. Historical Notes on Ancient Mongols. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1980. 204 p. (In Mong.)
- Rumyantsev G. N. Barguzin Chronicles. Ulan-Ude: Buryat-Mongolian Book Publ., 1956. 100 p. (In Russ.)
- Shaglanova O. A. Tunka Buryats: local features of shamanism. In: Mongolic Peoples of Russia: Religion in Culture. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008. 319 p. (In Russ.)
- Shapkhaev S. G., Shapkhaev B. S. Kizhinginsky District: Sites of Worship Mapped. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2009. (In Russ.)
- Syrtyanova S. D., Danilov S. V., Samaev F. S., Petunova N. A. Okinsky District: historical and cultural monuments. In: Oriental Studies: Challenges. Jubilee conf. proc. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 2001. Pp. 108–117. (In Russ.)
- Tivanenko A. V. Ancient Shrines of Eastern Siberia: Stone and Bronze Ages. Novosibirsk: Nauka, 1989. 202 p. (In Russ.)
- Tkachenko O. S. The Altai as a sacred center. In: The Sacred in the Eyes of Laymen – and Initiates. Congress proc. (Moscow; June 21–30, 2004). Moscow, 2004. Pp. 161–171. (In Russ.)
- Tkachenko O. S., Gomboev B. Ts. Exploring sacred sites: interdisciplinary approach (a case study of the Barguzin Valley, Republic of Buryatia). In: The Sacred in the Eyes of Laymen – and Initiates. Congress proc. (Moscow; June 21–30, 2004). Moscow, 2004. Pp. 93–103. (In Russ.)
- Vedenin Yu. A., Kuleshova M. E. (eds.) Cultural Landscape as a Heritage Site. Moscow: Heritage Institute; St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2004. 620 p. (In Russ.)